DOI: 10.17976/jpps/2022.04.07

АГЕНТ-СТРУКТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТРУКТИВИЗМА

Т.А. Алексеева

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой политической теории, МГИМО МИД России; член научного совета при Совете безопасности РФ, Москва, email: Ataleks@mail.ru

Алексеева Т.А. 2022. Агент-структурные отношения: методология конструктивизма. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 77-93. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07

Статья поступила в редакцию: 16.04.2022. Принята к публикации: 17.05.2022

Аннотация. Агент-структурные отношения – ключевая тема для конструктивистской парадигмы. Конструктивизму как методологическому подходу посвящена большая научная литература, причем как за рубежом, так и в России. Однако сами по себе конструктивистские методы анализа обычно не раскрываются, авторы ограничиваются отсылкой к общенаучным методам социальных наук. Вместе с тем сам выбор методов и их аспектов имеет свои особенности именно в конструктивизме. Структуры исследуются главным образом посредством обращения к метаистории и генеалогии. Важным является также учет мировоззрения наблюдателя, зачастую существенно искажающего научный анализ и его результаты. Деятельность агентов рассматривается через нарративы, дискурсы и фрейминг. Благодаря этому возникает возможность не просто описания, а анализа и изучения ключевых конструктивистских тем, в том числе проблемы идентичности как одной из наиболее важных для исследователей этого течения. Плюралистичность конструктивизма не просто допускает, но предполагает его взаимодействие с другими теориями международных отношений, благодаря чему возникает множество смешанных эклектичных форм, например, культурный конструктивизм, культурный реализм, либеральный конструктивизм, конструктивизм как критическая теория и т.д. Тем не менее для ученых важно представлять некую общую схему конструктивистского исследования, допускающую существенные отклонения в зависимости от интересов исследователя, поставленных задач и принятой парадигмы.

Ключевые слова: агент-структурные отношения, системная теория, онтология, эпистемология, структура, макроистория, генеалогия, фактор исследователя, деятельность агентов, нарративы, дискурсы, фрейминг, идентичность.

Проблема агент-структурных отношений уже несколько десятилетий занимает одно из важнейших мест в теории международных отношений и шире – в политической теории. Традиционно ее связывали с системной теорией, конкретизирующей принципы и методы системного подхода. Ее истоки лежат в двух утверждениях: во-первых, люди и их организации – сознательные акторы, благодаря деятельности которых воспроизводится и трансформируется общество, в котором они живут; и, во-вторых, общество предполагает социальные отношения, структурирующие взаимодействия между этими акторами. Структуры и агенты взаимозависимы и способствуют конституированию друг друга. Иначе говоря, агенты влияют на структуру, а структуры на агентов. Известный социолог Энтони Гидденс, например, определил их следующим образом: под структурой понимаются институты и разделяемые смыслы,

которые создают контекст международных действий, а под агентами любые единицы, которые действуют в этом контексте [Гидденс 1995: 32-56]. Гидденс, кроме того, вышел за пределы дуализма структуры и агентов, представив обоснование "дуальности структуры", когда структура одновременно является и средством, и результатом социального действия, а агенты и структуры – взаимно конституирующими элементами с "равным онтологическим статусом".

При рассмотрении этих проблем возникают как онтологические, так и эпистемологические вопросы.

Конструктивистская онтология взаимного конституирования агентов и структур бросает вызов структурализму самого разного толка, поскольку предполагает возвращение к *воспроизводству* социальных порядков. Не только идеология становится интегральной частью понимания мира актором – слова других людей и их поведение усиливают конкретный смысл, который зачастую воспринимается как данность. Конструктивистские методологии, сориентированные на процессы, а также макроисторические сравнения, генеалогия и собственные наблюдения участника иллюстрируют, как именно акторы усиливают институционализированные смыслы и практики, составляющие структуру. Разумеется, это не единственные доступные методы для исследования систем, режимов и государств через призму агент-структурных отношений и их взаимовлияния, однако в последнее время именно они находят весьма частое применение в научных исследованиях.

Проблематика агент-структурных отношений содержит ответы на два ключевых вопроса: что такое агент и структура и как именно они взаимосвязаны? Более того, именно в теории международных отношений они проблематизируются, приобретая эндогенный характер, становятся основанием для дальнейшего развития теорий [Cox 1986; Wendt 1987].

Из онтологии вытекают эпистемологические проблемы: выбор формы объяснения, соответственно, относящейся к агентам и структурам; а также целый ряд подходов (например, бихевиорализм), рассматривающий людей как сложные организмы, производящие стимулы. Тем самым они предлагают объяснение агент-структурных взаимоотношений почти в механистическом ключе, или, как утверждают некоторые из исследователей, в духе рационалистических требований науки. Конструктивисты (например, М. Холлис и С. Смит, Н. Онуф, Ф. Кратохвил и другие) придерживаются иного взгляда, доказывая, что объяснение и понимание, вслед за традиционным их разведением со времен В. Дильтея, – это фундаментально различные типы социального исследования. По сей день данные вопросы остаются в центре дебатов в теории международных отношений.

Как же происходит формирование представлений об агент-структурных отношениях?

Колин Уайт представил, пожалуй, наиболее всеобъемлющий анализ проблемы в работе "Агенты, структуры и международные отношения: политика как онтология" еще в 2006 г. [Wight 2006]. Сравнив раскрытие данной проблемы в разных теориях, Уайт провел деконструкцию агент-структурных отношений через онтологию, доказывая, что политика – это, собственно, и есть онтология.

В сфере международных отношений утвердившиеся смыслы – прежде всего результат взаимодействия между государствами на фоне изменчивого

социального контекста. Постепенно складывающаяся "структура" охватывает все больше типов социального порядка. Смыслы стабилизируются, воплощаясь в правилах; группы правил конституируют институты; кластеры институтов формируют структуры, которые, в свою очередь, становятся строительными блоками систем.

Именно на этом этапе осмысления соответствующих процессов на сцену и вышел конструктивизм, предложивший иной подход по сравнению с более традиционными системными теориями. Для конструктивистов агент-структурные отношения с первых дней оказались объектом особого интереса, ибо они становятся призмой, сквозь которую формируются представления о реальности, преобладающие в том или ином обществе в конкретное время.

Посмотрим, как же это работает с точки зрения методологии (разумеется, в обобщенном варианте, поскольку конструктивизм изначально отличается высокой степенью плюрализма). Когда дело доходит до конкретных исследовательских программ и вопросов, существует изрядный уровень несогласия среди ученых относительно того, какие именно методы следует использовать. Стоит также сделать немаловажную оговорку: исследователи крайне редко используют все рассмотренные ниже методы, обычно ограничиваясь двумя-тремя, но с дидактическими целями в статье обозначены основные варианты. Для конструктивистов наибольший интерес представляют не столько существующие институты, структуры или системы, сколько то, как именно происходит выбор альтернативных форм последствий дискурсов, т.е. наделение концептов и событий смыслами, а также то, как исследователи формируют содержательные вопросы и каким образом делают выбор между интерпретативными методами.

Главный метод конструктивизма – это интерпретация. Конструктивисты признают, что "всякое исследование включает интерпретацию, и поэтому не существует нейтральной позиции, из которой они [конструктивисты] могли бы получить объективное знание о мире; однако они придерживаются различных точек зрения относительно того, какой должна быть эта интерпретация и какого рода объяснение она получает" [Finnmore, Sikkink 2011: 395]. Смыслы могут быть враждебными по отношению друг к другу или более или менее дружественными, соответственно, они могут содержать угрозу разрушения социальных структур или, наоборот, способствовать реализации интересов государств и сообществ.

Прежде всего, раскрывается контекст – международные события и процессы, на фоне которых структуры формируют смыслы. Соответственно, конструктивисты изучают, когда, как и почему одни практики становились относительно зафиксированными, в то время как другие продолжали сохранять подвижность, неустойчивость, изменчивость. Следующий шаг: утверждение правил относительно поведения отдельных индивидов (например, дипломатов или государственных деятелей), а также институтов. Эти правила, в целом отражая представления о существующем порядке, стабилизируют ожидания акторов, в том числе по отношению к власти. "Правила и нормы связывают индивидуальную автономию с социальностью", – отмечает Ф. Кратохвил [Kratochwil 1989: 70].

Кластеры правил – техники и обобщенные процедуры, применяемые в социальных практиках, уже несут более или менее стабильные смыслы, постепенно обретающие каузальную и нормативную силу. С какого-то момента они начинают превращаться в структуры.

Но процесс на этом не останавливается. Шаг за шагом структуры поглощают все больше типов социального порядка, включая формальные организации, специфические институциональные режимы, и выходят на уровень глобальной социальной системы. Наиболее значимым оказывается не сам по себе институт, а "смысл", который ему придается.

Поскольку стабильные смыслы, атрибутируемые тем или иным институтам или практикам в международной сфере, утверждают конструктивисты, формируются прежде всего структурами, то социальный агент – проводник (вольный или невольный) норм и ценностей данной конкретной структуры [Цыганков 2007: 228]. Отношения между агентами и структурой не могут рассматриваться как неизменные, раз и навсегда (или надолго) зафиксированные.

Господство идеологии (будь то марксисткой, либеральной, консервативной или какой-то иной) также не "страхует" стабильность. Внешне фиксируя определенный тип агент-структурных отношений, оно все-таки оказывается иллюзорным – даже представая монолитом, не остается незатронутым переменами. В конечном счете, размытое "по краям", господство идеологии доходит до "точки бифуркации" – неизбежного слома традиционных смыслов и представлений, иногда крайне радикального.

Научная литература, посвященная конструктивистским исследованиям в международной сфере, в целом дает представление о разнообразии и главных принципах конструктивистских подходов. Однако, как правило, авторы ограничиваются лишь общими рассуждениями; сложнее обстоит дело с методами конструктивистского анализа. Одним из немногих исключений является работа А. Клотц и С. Линч, в которой были раскрыты основные контуры методологии конструктивистского исследования [Klotz, Lynch 2007]. За прошедшие годы их подход был существенно дополнен и развит другими авторами, причем не только международниками, но базовая "матрица" сохраняет свое значение. В конце концов, М. Финнмор и К. Сиккинк указывали: "Конструктивизм – не содержательная теория политики. Это социальная теория, которая содержит утверждения о природе социальной жизни и социальных изменениях" [Finnemore, Sikkink 2001: 393]. А стало быть, ответы на методологические вопросы следует искать не только в самой теории международных отношений, но и в социальной теории, при этом вновь и вновь возвращаясь к международной сфере со всей ее спецификой.

Кроме того, конструктивизм несет на себе очевидный отпечаток утверждения новой постнеклассической, "пригожинской" картины мира (сменившей неклассическую "эйнштейновскую", а также механистическую "ньютоновскую"), наряду с нелинейностью развития, приоритетом случайности над условными закономерностями и т.д.

СТРУКТУРЫ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

Анализ структур конструктивисты обычно осуществляют на трех уровнях: через макроисторические сравнения, генеалогию, и наконец, наблюдения участников, включая анализ мнения самих исследователей.

Макроистория

Макроисторический подход предполагает междисциплинарное рассмотрение истории на базе макромоделей развития общественных систем и цивилизаций

с самым широким охватом процессов и явлений, вплоть до глобального уровня. При таком подходе история – не просто хронология зафиксированных дат, а продукт памяти, который глубоко связан с конструированием идентичности и политическими проектами. Данной точки зрения придерживаются отнюдь не все конструктивисты: многие продолжают настаивать, что это прежде всего наука.

Например, уже некоторые из ранних конструктивистов-международников обратили внимание на то, что государства не всегда были приоритетными "агентами" международной системы, и более того, представления об их функциях заметно различались на разных этапах истории, а также в зависимости от географического расположения той или иной страны, ее цивилизационного тренда и целого ряда других обстоятельств. Так, в Европе государственная система на протяжении долгих столетий после краха Римской империи представляла собой перекрещивающиеся гетерогенные протогосударственные единицы на фоне культурного хаоса народов. Государства Средиземноморья пребывали в состоянии постоянных трансформаций, распадов, слияний, поглощений, конфликтов и войн, пока к XVI-XVII вв. не пришли к утверждению централизованных абсолютистских государств, что означало и переход к новому мировому порядку. С этой точки зрения предвидение нового мирового порядка в настоящее время, который, похоже, приходит на место прежнему, должно также опираться на макроисторический подход, учитывающий катаклизмы и феномены как минимум нескольких столетий.

В оптике конструктивистов все пребывает в движении, поэтому их интерес постоянно направлен на сравнение темпоральных периодов в истории и релевантных для них единиц. Так, теоретик-международник Х. Ройс-Смит доказывает, что практики реализации государственного суверенитета в XVII столетии существенно отличались от XIX столетия, не говоря уже о сегодняшней ситуации в международных отношениях [Reus-Smit 1999].

Это отнюдь не случайное утверждение. Дело в том, что представление о неоднозначности и подвижности самого понятия "государство" противостоит ключевым тезисам политического реализма, утверждающего, что современные государства уже в ранние периоды истории действовали на принципах самопомощи, изначально придерживаясь опоры на силу, государственный интерес и баланс сил. Собственно, из этого проистекает принцип "анархии" в международной системе (отсутствие высшего авторитета) как основополагающий для политического реализма, впрочем, также принятый и многими конструктивистами. Но с одной существенной поправкой: для них "анархия" – не естественное состояние, а конструкт.

Отсюда – разнообразие вариантов периодизации истории. Например, известный американский теоретик Рэндалл Коллинз в работе "Макроистория: очерки социологии большой деятельности" [Коллинз 2021] остановился на нескольких наиболее значимых проблемах трактовки исторической динамики, составляющих "тело" программы:

– рост и упадок государств;

– геополитика, ее связь с тенденциями развития социальной реальности, в том числе с революциями;

– этнические процессы;

– модернизация и демократизация;

– развитие и кризисы рыночной экономики и т.д.

Таким образом, макроистория предполагает изучение не только развития отдельных обществ в их целостности, но также и цивилизаций, мировых систем, мировых порядков, причем на протяжении исключительно длительных исторических периодов.

Структурные сравнения на макроуровне позволяют высветить пошаговые изменения в международной системе. Используются разные методы, а интерес исследователя может быть направлен как на стабильность, так и на динамику крупномасштабных социально-политических изменений. В первом случае речь идет о своего рода "моментальных фотографиях", показывающих, например, практику деятельности институтов в разных обществах в конкретный момент времени. Во втором – фокус направлен именно на перемены, скажем, в самоидентификации той или иной страны. Причем именно макроисторический подход позволяет выявить наиболее значимые механизмы изменений.

Поскольку в распоряжении исследователя никогда не будет всех релевантных материалов, конструктивисты сосредотачиваются на проблемном подходе в макроисторической перспективе (заметим, впрочем, что такое ограничение отнюдь не уникально в социальном макроанализе).

Проиллюстрируем это на примере работы, ставшей в свое время одним из стимулов к началу конструктивистских рассуждений вокруг проблем стратегической культуры. Речь о книге Э. Виллемса "Образ жизни и смерти: три столетия прусско-германского милитаризма: антропологический подход" [Willems 1986]. Автор использовал преимущественно макроисторические аргументы для раскрытия смыслов культурных конструктов, даже если они предстают сегодня в качестве исторических артефактов.

Милитаризм, писал Виллемс, появился отнюдь не по воле правителей. Это социальное формирование – "культурный комплекс", следствие серии адаптивных изменений в ситуации меняющейся окружающей среды. Вслед за Генрихом фон Тройчке Виллемс проследил корни милитаризма в экспансии Тевтонского ордена из Палестины и Венгрии на Северо-Восток Европы еще в период XIII-XIV вв. Свою формальную форму (*Gestalt*), указывает Виллемс, милитаризм обрел только в XVII-XVIII вв. Это был уже не просто способ организации власти – отражая геополитические реалии Пруссии, он пронизывал все общество, тем самым предопределяя особый путь дальнейшего развития. Сформировавшийся под его влиянием абсолютистский конструкт власти неоднократно подвергался проверкам на прочность, но выдержал их, включая период наполеоновских войн, хотя и претерпел некоторые метаморфозы, особенно в эпоху более позднего подъема военно-бюрократического национализма.

Виллемс пишет, что после 1890-х годов происходила резкая радикализация милитаризма. С этого момента он, по существу, организовывал все общество "на войну", чему во многом способствовала быстро растущая разрушительная сила военной техники. "Милитаризм – это все, чем была Пруссия, а Пруссия – всем, чем не может быть предполагаемое либеральное общество". Справедливости ради Виллемс замечает, что радикализируются и противники милитаризма, что приводит к острым, в том числе классовым противостояниям и конфликтам. После того как Мировой дух покинул Берлин, милитаризм стал "жертвой эволюционных изменений", что на волне поражения во Второй мировой войне привело к задержавшемуся, хотя и осознанному отказу

от милитаристской традиции – субъективному признанию устаревания милитаризма [ibid.: 11, 203]. Впрочем, Виллемс полагал, что традиции прусского милитаризма были еще долгое время живы на территории ГДР вплоть до воссоединения Германии. Оставим этот тезис на совести автора, хотя, как дань антисоветизму, он и вызывает изрядные сомнения.

Прусский милитаризм – продукт пространства, исследование "фенотипического Другого", сотворенного в процессе ассоциативных, именно "прусских" рассуждений о "культурном комплексе", двигавшихся от формальных атрибутов социальных качеств к национальным и эпохальным сущностям, – подчеркивал в своей рецензии на книгу известный американский историк Майкл Гейер [Geyer 1988].

Помимо чисто научного интереса, макроистория и соответствующая ей контекстуализация смыслов помогает избежать проецирования современных интересов и концептов на взгляды и оценки людей более ранних эпох, чем грешат многие международники, да и не только. Не секрет, что сплошь и рядом выбор "референтных" книг и документов отражает заранее сформулированное или даже конъюнктурное понимание государственного поведения или оценку деятельности международных структур. Разумеется, история – это наука, но для конструктивистов имеет значение сам факт принципиальной оспариваемости любых научных выводов, многие из которых предстают в качестве подмены "историческими мифами" под видом национальных идеологий, извечной "идентичности" или других вариантов реинтерпретации. Им интересно прежде всего само мышление об истории, а не просто набор хронологически выстроенных фактов.

Заметим, что особенно важную роль проблема макроистории играет в дискуссиях между радикальными и умеренными конструктивистами, которую, впрочем, они так и не смогли разрешить [Scholl 2016].

Генеалогия

Еще одним важнейшим из методологических аспектов конструктивистского подхода является обращение к *генеалогии* событий и явлений. В отличие от идеологического анализа, конструктивистская генеалогия избегает линейного подхода к прошлому, предполагающего, по мнению его сторонников, идентификацию механизмов, провоцирующих сдвиги в господствующем дискурсе. Конструктивистам этого недостаточно.

Онтологическим основанием "генеалогической истории", по Мишелю Фуко, на которого часто ссылаются конструктивисты, выступают "случайность", "прерывистость", а также "материальность", пронизывающие мир практик, прежде всего дискурсивных. Генеалогия, утверждал Фуко, не является исключительно поиском происхождения того или иного явления. Она предполагает прослеживание процесса, когда несколько элементов постепенно воссоединяются и начинают вести себя как система и, соответственно, генерировать эффект паттернов. Поэтому конструктивистов не интересует обычная история, раскрывающая цепь событий во временной последовательности. У них другой интерес – к технике власти, действующей внутри дискурсов, а также "разрывам" и "дизъюнкции" в институционализированных практиках в тот или иной исторический период.

Например, историк дипломатии Джеймс Дер Дериан вместо того, чтобы выделить социальные, экономические и политические причины сдвигов меж-

ду древними, средневековыми и современными системами международных отношений, как сделали бы исследователи более традиционных взглядов, идентифицировал преемственность и разрывы в господствующих в тот или иной момент дипломатических дискурсах [Der Derian 1987]. Книга отличается от обычных работ по дипломатической практике, более того, автор в принципе выразил несогласие со знаменитым британским дипломатом Гарольдом Никольсоном, по книге "Дипломатия" которого учились целые поколения зарубежных, да и отечественных международников [Никольсон 1941]. Сущность дипломатии, по Никольсону, в здравом смысле. Но здравый смысл, утверждает Дер Дериан, зависит от культуры и времени, поэтому происхождение дипломатии не может быть зафиксировано ни хронологически, ни географически. Она формировалась и изменялась параллельно отношениям между культурой и властью в разных условиях, а потому нуждается в интерпретации и, более того, систематической реинтерпретации.

Дер Дериан применил теорию отчуждения для сравнения меняющихся парадигм. Теория отчуждения, как известно, разрабатывалась с разных позиций такими философами, как Гегель, Фейербах, Маркс, Сартр, и многими другими. Отчуждение исторически ведет свое происхождение из естественного состояния (в политической мысли), природы государства (юридического) и противопоставления небесного (теологического и религиозного) земному (философскому и социологическому). В соответствии со взглядами мыслителей, отчуждение как духовный, религиозный и социальный процесс всегда играло важнейшую роль в истории, что потребовало посредничества между отдельными индивидами и группами. Именно роль посредника и играет дипломатия. Менялись условия отчуждения, менялись и попытки посредничества через мышление, закон и власть (силу). Дер Дериан выделил шесть парадигм как ядро генеалогии дипломатии: мифодипломатию, протодипломатию, современную дипломатию, антидипломатию, неодипломатию, и, наконец, технодипломатию.

В мифодипломатии отчуждение требует посредничества между человеком и Богом (вследствие грехопадения), а также человеком и человеком (Каин и Авель). Дипломатическое посредничество предполагает, соответственно, ритуальные методы, жертвоприношения, заветы о согласии, обещания земли обетованной и града небесного. В христианской мифодипломатии отчуждение универсализируется, а примирение, спасение персонализируется благодаря искуплению Христа.

Во времена Средневековья эти идеи воплотились в протодипломатии, когда отчуждение исходило из центра, будь то от Ватикана в Риме или от императора, декларировавших наличие Других, противопоставлявшихся истинно верующим или лояльным власти. Тогдашние дипломаты – представители духовенства, воины и купцы – широко использовали такие методы, как обязательства, предоставление привилегий, куртуазность и прочие, ради нахождения общего знаменателя с представителями других религий, языков и культур.

Современная дипломатия выросла на основе взаимного отчуждения между государствами вследствие институционализации общих идей международного права и политики баланса сил на фоне относительного упадка влияния христианства.

“Антидипломатия” поначалу появилась в разных утопических сочинениях как вариант преодоления пропасти с отчужденными классами и социальными структурами, требующими, как правило, ликвидации эксплуататоров. Дер Дериан подчеркивает, что почти одновременное появление терроризма и анархизма отнюдь не случайно – это крайне жесткий “ответ” на государственную монополию на насилие. Терроризм и анархизм предложили быстрое силовое решение проблемы, направленное против не только отдельных классов, но также и иностранных угнетателей. Неслучайно поэтому именно дипломаты как посредники стали излюбленной мишенью террористов, а также как символ необходимости отчуждения Других в политической и культурной практике.

Неодипломатия проявилась в период Великой Французской и Великой Октябрьской революции в России. Она предполагала отчуждение от “старых” режимов и означала возможность и даже необходимость обращения к отчужденным, но классово близким секторам населения зарубежных стран. Однако на практике в СССР относительно быстро на смену идеям “экспорта революции” пришла потребность в защите собственных границ и необходимость заключения соглашений с “иностранными реакционерами”.

Наконец, технодипломатия родилась на фоне постиндустриального отчуждения, скоростного доступа к информации и супероружия, что радикально изменило сам характер дипломатической практики.

Мы столь подробно остановились на взглядах Дер Дериана, поскольку в них весьма наглядно представлен генеалогический конструктивистский метод, а также продемонстрирован вариант использования множества источников – как литературных, так и исторических, при довольно небрежном отношении к “фактам”, что весьма типично для конструктивизма в целом.

Применяя различные варианты дискурсов, генеалогия как метод в целом обязательно требует, чтобы исследователи погрузились в широкий спектр самых разных источников. Мишель Фуко, например, работал с легальными документами, хроникой политических дебатов и даже планами, записками, статьями, причем не только научными, и т.д. Но тогда у исследователя неизбежно возникает проблема выбора источников. Это наиболее уязвимая сторона метода: ведь выбор делается отнюдь не только по эпистемологическим основаниям, а скорее по соображениям доступности информации. Он может быть случайным, поверхностным или, наоборот, “знаковым” для текущего момента или самого ученого. А стало быть, принципиально отличается от исторических методов, требующих обращения к первоисточникам и многократной перепроверки имеющихся данных.

При всех недостатках конструктивизма, благодаря ему появляется возможность уловить потенциал изменений даже в относительно стабильных структурах. Разумеется, этот потенциал часто оказывался нереализованным. Тем не менее ученые обязательно концентрируют свое внимание на том, как именно акторы легитимировали одни практики и делегитимировали другие. Однако в отличие от историков “генеалоги” делают акцент на конгруэнтности в интерпретации значений и влиянии конъюнктурных соображений, а не на причинах событий. Генеалогия постоянно демонстрирует как преемственность, так и изменения в дискурсах (включая язык и практики).

Помимо внимания к истокам и изменениям, конструктивисты обращают внимание также на сравнительность. Речь идет о сопоставлении представле-

ний и интерпретаций не только основных черт исторических периодов, но и соответствующих структурных единиц международной системы.

Фактор исследователя

Конструктивизм обязательно предполагает самонаблюдение ученого, поскольку его собственное мышление изменяет характер и результаты научной работы, а также трансформирует диалог с коллегами. Профессиональная подготовка означает овладение специфическим языком данной отрасли знаний, готовыми формулами, терминами, концептами, именами наиболее известных теоретиков и т.д. Однако даже студенты, только осваивающие азы предмета, и то привносят в исследовательский процесс что-то свое, хотя бы на уровне выбора тех или иных слов или выстраивания логики ответа на экзамене.

Ситуация существенно усложняется на уровне научной работы. Теперь уже происходит не только следование кодам институционального дискурса – некоторые из них игнорируются, другие утрачивают свое значение или переосмысливаются. Со временем наблюдатели начинают выдвигать новые аргументы и ставить другие вопросы, нежели те, что были поставлены исследователями ранее. Выбор организующего принципа напрямую зависит от мировоззрения самих ученых, влияние которых на коллег, да и в целом их историческая весомость существенно различаются.

Разумеется, саморефлексия ученого не может быть полной. Но даже частичная фиксация пережитого опыта, образования, влияние учителей, коллег, других специалистов по проблеме, наконец, принадлежность к господствующей или оппозиционной политической идеологии и т.д., позволяют сделать следующий шаг в изучении той или иной проблемы – а значит, сами ученые становятся действующими лицами в научной драме.

Агенты и их деятельность

При первом приближении агенты предстают вроде бы в качестве оппозиции структуре. Может даже показаться, что структура статична, в то время как агенты подвижны. Но подобная дихотомия не до конца проясняет конструктивистскую перспективу. Хотя господствующие дискурсы устанавливают место агентов в мире, их действия могут как поддерживать, так и противостоять доминирующим дискурсам. В первом случае агенты действуют в соответствии с предлагаемым структурами дискурсом, но во втором взаимосвязь оказывается существенно сложнее.

Что же происходит? Предположим, некто предлагает новый дискурс, представляющийся более убедительным, нежели господствующий. Обычно это происходит в ситуациях кризисов. В самом деле, новые правила и процедуры могут изменить мировоззрение людей. Но тогда новые смыслы предлагают также другие варианты трактовки идентичности и смыслов действий, запуская цикл взаимного конституирования. Из этого конструктивисты делают вывод, что в принципе неверно рассматривать структуру и агентов в качестве отдельных единиц, а делать это нужно исключительно в связке, поскольку они взаимно конституируются друг другом.

Процессы взаимного конструирования, в частности социализация, оказывают влияние на национальных лидеров, правительства, социальные движения, классы, гендер, корпорации и международные организации, причем по-разному в разных временных точках. Конструктивисты не приняли теорию

рационального выбора, им свойственна более широкая трактовка мотивации агентов, несмотря на наличие структурных ограничений. Соответственно, при рассмотрении происходящего предполагается выбор между альтернативными методологиями, зависящий уже от исследователя и его мировоззренческих установок.

Конструктивисты начинают с предположения, что люди, включая ученых, обладают целями, или "намерениями". Они действуют самостоятельно как индивиды, и одновременно как члены формальных или неформальных групп. Выдвигая соответствующие аргументы и требования, они тем самым продвигают свои взгляды на мир. Эти намерения и интерпретации, могут стимулировать, подтолкнуть, усилить, заблокировать, продвинуть, революционизировать, создать, воссоздать, легитимировать, делегитимировать, разрушить или заново выстроить структуры. Методологии, которые высвечивают рассуждения и коммуникации, лучше всего схватывают эти процессы конструирования, деконструкции и реконструкции. Однако такие возможности могли бы сделать исследование безбрежным, поэтому конструктивисты все же ввели некоторые ограничения, в частности, выделив несколько базовых мини-проектов, или исследовательских "шагов".

Нарративы

Прежде всего конструктивистов интересуют *нарративы,* рассказы, презентации и объяснения понимания ситуаций или серии событий, отражающих и поддерживающих определенную точку зрения или совокупность ценностей. Они высвечивают деятельность конкретных индивидов или групп, показывая ее через истории с интригой и главными героями. Этот метод активно применялся в истории международных отношений и в истории дипломатии. Исторические события показываются через реальные и мифологические истории деятельности великих политиков и дипломатов, будь то Александр Македонский, Наполеон, Бисмарк, Горчаков, Черчилль или Сталин. Героями нарративов могут стать также оппозиционеры, социальные движения или даже пассивные участники политических событий, степень интенсивности влияния которых может существенно различаться.

В отличие от генеалогии, делающей акцент на дизъюнкциях, интрига в нарративе развивает историческую линию с четко зафиксированным началом и возможным концом. Некоторые конструктивисты при этом сближаются с позитивистами, используя причинно-следственные утверждения. Другие настаивают, что сама рекурсивная, повторяющаяся природа человеческой деятельности предшествует возникающим различиям между конкретными переменными. Как следствие, некоторые нарративы драматизируют пересказ истории, тогда как другие представляют точный каузальный анализ. В любом случае конструктивист подчеркивает роль главных действующих лиц в рассматриваемой политической драме.

В то же время в соответствии с историографическими традициями нарратив как исторический сюжет должен быть целостным и опираться на самые разные свидетельства. Одна из наиболее общепринятых стратегий – это использование голосов общества для проверки взглядов элиты. С точки зрения конструктивистов, влияние общества на структуры предполагает прежде всего "низовой" уровень, диктующий специфику здравого смысла. А стало

быть, исследователям приходится прибегать к альтернативным источникам информации. Отсюда – обращение не только к биографиям крупных политиков и дипломатов, но также и к мемуарам, дневникам, интервью и другим документам самых обычных граждан. Неформальные, даже маргинальные источники часто дополняют официальные документы, если не опровергают их смысл в принципе.

Конструктивисты также привлекают лингвистический анализ к рассмотрению нарративов. Так, например, они обычно используют активные глаголы при описании деятельности, пассивные – структурных условий. Весьма показателен отбор прилагательных для описания акторов, а также глаголов, указывающих на природу их деятельности.

Не меньшее значение придается конструктивистами характерам и специфическим особенностям действующих лиц. *Особенности акторов*, равно как и отношения между ними, складываются в рамках государств, классов, социальных групп, гендерных и этнических различий и т.д. Такого рода группы, например, неправительственные организации, социальные движения, эпистемные научные сообщества или даже гражданское общество в целом – дают первичные представления об их главных идеях и ценностях, или инструментальных целях. Могут быть применены и другие характеристики, например, связь с государственным бюрократическим аппаратом или сотрудничество с внешними организациями, ценностные различия или участие в инновационной деятельности.

Отсутствие ясных границ между этими группами и организациями усиливает потребность размышлять о них как социально сконструированных, причем делать это именно через нарративы. На фоне изменяющегося контекста событий, имеющего важное значение для особенностей взаимодействия между агентами, происходит сдвиг фокуса исследователей на дискурсивное конструирование субъективности, понимаемой не в психологических терминах, а, прежде всего, как социальная практика.

Что же касается степени, до которой люди или другие агенты могут действовать намеренно, – вопрос дискуссионный, допускающий множество альтернатив в зависимости от того, какой вес исследователи придают причинно-следственным связям или насколько важны для них морально-этические аспекты определенных действий. Хотя нарративный анализ предполагает множество методов, как практически все подходы в конструктивизме, в любом случае он предполагает не только рассказ людей о своей жизни, но также и то, как именно они понимают трудности в межличностных и социальных отношениях, причем на разных уровнях анализа. Это не просто истории как целостные, единые и связные единицы, а множественный анализ с использованием определенных аналитических инструментов.

Речь идет о выявлении связи между идентичностью и личностью, в особенности при изучении мемуарной литературы, а также концепций и процессов [McAdams 2018]. Это позволяет опираться на взаимопересекающиеся и зачастую конкурирующие идентичности, которые в самых разных формах проявлялись на протяжении истории. Подчеркнем еще раз: конструктивисты отвергают рационалистический материалистический подход к истории, тем самым получая возможность выявить и отразить динамику, а не только хронологию происходившего.

Дискурсы

Дискурсы не только отражают, но и формируют взгляды людей, их мировоззрение и цели, определяя их действия через привычки и традиции или в качестве намеренных решений и поступков, предполагающих влияние на мышление и поведение других.

Как концепт "дискурс" употребляется конструктивистами в разных смыслах, обычно в трех: *во-первых*, в "узком" смысле он означает "речь", "слова", "столкновение слов", "дискуссию", "разговор", "обмен идеями", т.е. употребляется в диалогическом смысле; *во-вторых*, как научная теория, представляющая какую-то "школу" или даже эпоху (например, философский дискурс Модерна) или эпистемологическое сообщество (дискурс политических реалистов); *в-третьих,* в широком смысле дискурс – это понятие, обозначающее символический порядок любого типа при намеренном процессе коммуникации и понимания, иначе говоря – "интерпретативное сообщество", или на какое-то время стабилизировавшийся фрейм.

Обращает на себя внимание близость конструктивистского представления о дискурсе с идеями постструктуралистов, в частности Фуко, Деррида, Лаклау, Муффе и др. Иными словами, предполагается, что дискурсы, как правило, конструируются, реконструируются, деконструируются самонаблюдателями и сторонними исследователями в зависимости от их целей, интересов и возможностей действий.

Дискурсы – это не просто языковые игры, происходящие где-то за пределами практики и институтов. Они всегда помещены в культурный контекст. Поэтому практика дискурсивной коммуникации не просто включает необходимость научно обоснованного, объективно доказуемого решения, которого придерживается научное сообщество. Она также включает контексты отношений и жизненного мира, ускользающие от научной объективизации.

Представители так называемой Кёльнской школы интерсубъективного конструктивизма С. Нойберт и К. Рейх проиллюстрировали "работу" дискурсов на примере "циркулирования" идей между определенными точками (местами): Первый – Другие – Конструирование – Реальность – Первый, и т.д. [Neubert, Reich 2002]. Как мы видим, Первый не просто оказывает влияние на Других: они, внося изменения в конструкты, воздействуют на реальность и та, в свою очередь, влияет на Первого. И цикл воспроизводится бесконечно.

Легитимация каких-то положений реализуется через властные отношения и соответствует их интерпретации в данный момент времени. Конструктивизм опирается на утверждение, что, хотя в каких-то случаях он настаивает на валидности своей позиции, она тоже не представляет ничего другого, кроме легитимированных и объективизированных интересов сообщества интерпретаторов. В отличие от иных теоретических подходов, конструктивизм исходит из относительности знания.

Фрейминг

Конструктивисты сравнивают дискурсы с последствиями соответствующих действий. Однако если традиционный подход предполагает оценку способности агентов достигать поставленных целей через инструментальные действия, конструктивистский взгляд расширяет представления как о целях, так и о средствах, принимая во внимание даже изменение языка политиче-

ских дебатов. Иначе говоря, он "разъединяет" сложные отношения между акторами, их целями и поведением благодаря производству смыслов как типов влияния. То есть дискурс раскрывается посредством контент-анализа, соответствующего фрейминга – смысловой рамки знания, представлений, ожиданий, вследствие вовлеченности в события, а затем – рассмотрение влияния фрейма на действия агентов.

Происхождение концепта фрейминга (некоторые авторы предпочитают употреблять синонимы – сценарии, репрезентации, аргументы, жанры и др.) в области когнитивной психологии и антропологии. Позднее распространилось на другие социальные дисциплины, что во многом предопределило крайний плюрализм его содержания и методов анализа. В любом случае речь обычно идет о связи между производством и потреблением новостей, иначе говоря, о типичной подаче новостей в рамках знакомого фрейма в соответствии со сложившейся латентной структурой смыслов, и тем, как эти фреймы воспринимаются аудиторией (совпадением ее взглядов на мир с представлениями журналистов или политиков). Фрейминг, таким образом, – это группа концептов и теоретических подходов, показывающих, как индивиды, группы и общества организуют, воспринимают и вступают в коммуникацию по поводу реальности. Он проявляется в мышлении или в межличностной коммуникации и позволяет различать легитимные и нелегитимные типы политических утверждений. Тем самым структурирование позволяет связать цель и последствия действий агентов, выступить в роли своего рода "моста" между познанием и культурой.

Фреймы показывают, каким образом журналисты формируют содержание новостей в соответствии с латентными структурами смыслов, и восприятие их аудиторией, в результате чего она представляет мир в соответствии с презентациями журналистов. В каком-то смысле фреймы окружают нас со всех сторон, однако остается непонятным, где они начинаются и где заканчиваются. Фреймы составляют центральную часть всякой культуры и могут быть по-разному институционализированы. Соответственно, культура может быть представлена как организованная группа убеждений, кодов, мифов, стереотипов, ценностей, норм и т.д., а также фреймов, содержащихся в коллективной памяти группы или общества [van Gorp 2007].

При анализе фреймов речь идет прежде всего о реконструировании "пакета фреймов" в текстах, при этом культурные феномены будут центральной идеей. Кроме того, конструктивисты допускают пересмотр средств аргументации как части содержания материалов в СМИ и дискурсов в целом. Так, например, Барри Бузан и его коллеги при рассмотрении фреймов безопасности выделили следующие сектора: военный, энвайроменталистский, экономический, социетальный и политический [Buzan, Weaver, de Wilde 1998]. Некоторые исследователи склонны к качественным исследованиям, другие прибегают к более традиционным методам контент-анализа и количественного анализа; наконец, третьи пытаются сочетать эти методы и инструменты, поскольку чисто статистический метод скрывает латентные идеи. В любом случае предполагается, что в конструктивистской парадигме фрейминг рассматривается как часть культуры.

Поскольку индивид не в состоянии изменить культурные феномены (например, правила игры в шахматы или в футбол, уличного движения, бирже-

вой игры, дресс-кода или форм вежливости), фреймы обычно навязываются извне. Человек не может изменить их по собственному желанию (по крайний мере, в течение какого-то временного отрезка). Культурные феномены, которыми постоянно пользуются индивиды и группы, превращаются в содержание сообщений в СМИ и затем вновь представляются аудитории.

Идентичность

Конструктивисты также довольно часто прибегают к использованию методов этнографии, антропологии, психологии и других специальных дисциплин, концентрируя внимание на отношениях между индивидами и сообществами. Ключевой темой в этом аспекте выступает понятие "идентичность".

При рассмотрении агент-структурных взаимоотношений конструктивисты рассматривают идентичность как социальные отношения, изменяющиеся во времени и в разных контекстах. Например, угрозы безопасности позволяют определить врага, тем самым вводя категории Я и Другой, которые определяют идентичность. Поскольку речь идет об отношениях, то идентичности – неотделимые характеристики индивидов или групп; люди скорее производят и пересматривают их, нежели рождаются с ними. Поэтому при эмпирическом исследовании конструктивисты изучают процессы, которые соединяют контексты и действия с развитием чувства самости, его смысла, а также его рекурсивные последствия. Аналитики стремятся понять, как именно идентичности соединяют индивидов с сообществами через этничность, национализм, расу, гендер и другие социальные категории. А поскольку чувство "Я" часто говорит людям о том, кто они такие и что они должны делать, исследователи также изучают влияние этих идентичностей на общество, власть и социальные отношения.

Важно отметить, что конструктивизм с его главными атрибутами и положениями – не исключительно "западный" феномен, что блестяще доказали отечественные ученые. В работе "Ближний Восток. Политика и идентичность" коллектив авторов под руководством И.Д. Звягельской показал, что в методологическом плане категориальный аппарат и подходы, апробированные в "западных" исследованиях, применимы для анализа реалий Ближнего Востока через соединение востоковедческой оптики с инструментарием современных исследований в области международных отношений, политических институтов и идентичности [Ближний Восток... 2020].

Признание способности агентов на мировой сцене, равно как и аналитиков, наблюдающих за ними, преодолевать господствующие дискурсы также поднимает вопросы этики, или, иначе, стремления к общечеловеческому благу. Это предполагает идеал процветающего человечества в обществе, руководствующемся в своей обычной деятельности этическими критериями, направленными на достижение разделяемых целей, потребностей и устремлений – по крайней мере, в декларативном ключе.

Таковы самые общие положения конструктивистской методологии. Напомним, что конструктивизм с самого начала – крайне плюралистичное течение, поэтому и методология, которую он использует, весьма разнообразна. При этом она все же вполне узнаваема, особенно по сравнению с другими течениями международно-политической мысли.

* * *

Как бы там ни было, конструктивизм с точки зрения вхождения в теорию международных отношений – одна из успешных историй. Конструктивисты действительно внесли концептуально богатый и эмпирически разнообразный вклад в науку о международных отношениях. В то же время конструктивизм наглядно продемонстрировал трудности, с которыми сталкивается всякая новая теория международных отношений, когда вступает во взаимодействие с признанными подходами. Патрик Джексон указывает, что конструктивизму пришлось пройти через ритуалы инициации, продемонстрировать свою валидность и легитимность среди уже утвердившихся теоретических перспектив [Jackson 2011: 31]. Эти требования неизбежно душат оригинальность всякой новой теории – и конструктивизм в этом не стал исключением. Как следствие, вполне успешно развиваются некоторые компромиссные формы конструктивизма (реалистский конструктивизм, либеральный конструктивизм, конструктивизм как критическая теория, культурный конструктивизм, интерсубъективный конструктивизм, постконструктивизм и т.д.), пытавшиеся сотрудничать с господствующими теориями, а это, в свою очередь, привело не только к самым разнообразным дискуссиям и дебатам, но и сделало классификацию конструктивизма – будь то на базе оснований, идей или поколений, – довольно неуверенной и условной.

DOI: 10.17976/jpps/2022.04.07

AGENT-STRUCTURE RELATIONS: METHODOLOGY OF CONSTRUCTIVISM

T.A. Alekseeva[1]

[1] *MGIMO University. Moscow, Russia*

ALEKSEEVA, Tatiana Aleksandrovna, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Honoured Worker of Science, Head of Political Theory Department, MGIMO University, email: Ataleks@mail.ru

Alekseeva, T.A. (2022). Agent-structure relations: methodology of constructivism. *Polis. Political Studies*, 4, 77-93. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.07

Received: 16.04.2022. Accepted: 17.05.2022

Abstract. The notion of agent-structure relations is a central concept within the constructivist paradigm. A huge portion of the scientific literature abroad and in Russia is devoted to constructivism as a methodological approach. However, the methods themselves frequently are not disclosed, the authors just limit themselves to stating that they meet the requirements of the general scientific methods of the social sciences. At the same time, the choice of methods, even aspects of them, is quite significant for constructivism. The structures are studied mostly through meta-history and genealogy. The worldviews of the observer, which distort the scientific analysis and its results rather significantly, should also be taken into account. The Agent's activity is regarded through the study of narratives, discourses and framing. This allows researchers the possibility to decrypt, but also analyse and study key constructivist themes, including the problems of identity which are a priority for the scholars of this school. Constructivist pluralism does not simply allow, but also implies that it can fruitfully interact with the other theories of international relations. This has resulted in the emergence of many mixed eclectic forms like cultural constructivism, cultural realism, liberal constructivism, constructivism as a critical theory, cultural constructivism etc. However, it seems quite important for academics to present some general scheme for constructivist study, that will allow a significant deviation from the original tenets and allow scholars to further explore their interests and fulfil their tasks.

Keywords: agent-structure relations, system theory, ontology, epistemology, structure, macro-history, genealogy, observer's factor, agents' activity, narratives, discourses, framing, identity.

References

Buzan, B., Weaver, O., & de Wilde, J. (1998). Security. A new framework for analysis. Boulder: Lynne Rienner.

Cox, R.W. (1986). Social forces, states, and world orders: Beyond international relations theory. In R.O. Keohane (Ed.), *Neorealism and Its Critics* (pp. 204-254). New York: Columbia University Press.

Der Derian, J. (1987). On diplomacy: a genealogy of Western estrangement. Oxford: Blackwell.

Finnmore, M., & Sikkink, K. (2011). The constructivist research program in international relations and comparative politics. *Annual Review of Political Science*, 4(1), 391-416. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.391

Geyer, M. (1988). Emilio Willems. A way of life and death: three centuries of Prussian-German militarism: an anthropological approach. *The American Historical Review,* 93(1), 168-169. https://doi.org/10.2307/1865762

Jackson, P. (2011). The conduct of inquiry in international relations. Philosophy of science and its implications for the study of world politics. Abingdon: Routledge.

Klotz, A., & Lynch, C.M. (2007). Strategies for research in constructivist international relations. London, New York: Routledge.

Kratochwil, F.V. (1989). Rules, norms, and decisions. On the conditions of practical and legal reasoning in international relations and domestic affairs. Cambridge: Cambridge University Press.

McAdams, D.P. (2018). Narrative identity: what is it? What does it do? How do you measure it? *Imagination, Cognition and Personality*, 37(3), 359-372. https://doi.org/10.1177/0276236618756704

Neubert, S., & Reich, K. (2002). Toward a constructivist theory of discourse: Rethinking the boundaries of discourse philosophy. http://konstruktivismus.uni-koeln.de/neubert_works/aufsaetze/reich_38.pdf (accessed 26.06.2022).

Reus-Smit, Ch. (1999). The moral purpose of the state. Culture, social identity and institutional rationality in international relations. Princeton: Princeton University Press.

Scholl, A. (2016). The micro-macro problem in Constructivism. *Constructivist Foundations*, 12(1), 47-48.

Van Gorp, B. (2007). The constructionist approach to framing: Bringing culture back in. *Journal of Communication*, 57(1), 60-78. https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00329_1.x

Wendt, A. (1987). The agent-structure problem in international relations theory. *International Organization*, 5(3), 335-370. https://doi.org/10.1017/S002081830002751X

Wight, C. (2006). Agents, structure and international relations: politics as ontology. Cambridge: Cambridge University Press.

Willems, E. (1986). A way of life and death: three centuries of Prussian-German militarism: An anthropological approach. Nashville, TN: Vanderbilt University Press.

Collins, R. (2021). Macrohistory. Essays in sociology of the long run (Russ. ed.: Collins, R. Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoi deyatel'nosti). Moscow: URSS.

Nicolson, H.G. (1941). Diplomacy. (Russ. ed.: Nicolson, H.G. Diplomatiya. Moscow: Geografgiz).

Tsygankov, P.A. (2007). Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii [Theory of international relations]. 2nd ed. Moscow: Gardariki. (In Russ.)

Zvyagel'skaya, I.D. (Ed.) (2020). Blizhnii Vostok. Politika i identichnost' [Middle East. Politics and identity]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Литература на русском языке

Ближний Восток. *Политика и идентичность*. 2020. Под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс.

Коллинз Р. 2021. *Макроистория: Очерки социологии большой деятельности*. М.: URSS.

Никольсон Г. 1941. *Дипломатия*. Под ред. А.А. Трояновского. М.: Географгиз.

Цыганков П.А. 2007. *Теория международных отношений*. 2-е изд. М.: Гардарики.